

Скрябин В.Ф. – бывший Председатель областного суда.

Родился я в Костромской области, в деревне, в крестьянской семье. Отец умер в 1912г., когда мне было 4 года. Мать осталась с тремя детьми. Сестра была старше меня, а брат служил в артиллерии, когда началась война 1914г. его призвали в армию. Мне пришлось быть главой семьи, выполнять все мужские обязанности с 8 лет: боронил, следил за лошадьё, учился в школе, закончил 7 классов. Тогда школа состояла из двух ступеней: 1–я пять классов, 2–я четыре класса, когда закончишь эти две ступени получаешь среднее образование. Мать сказала учиться мне какому-нибудь ремеслу. Меня определили к частнику-портному в 14 лет, тогда же я вступил в комсомол. В следующем году нас комсомольцев собрали и направили в ЧОНЫ – части особого назначения, в город Никольск, Вологодской области, и там дней 30–40 мы изучали военное дело. У нас был ещё один брат, который ушёл в другую деревню, т.к. у нас было малоземелье.

Мне подсказали отправиться в город на заработки. Я за лето накопил денег на сельхоз работах и в 1924г. в марте я пешком отправился до станции Шаболино. Оттуда приехал в город Вятку и пошёл на биржу труда, встал на учёт. Потом мужики мне подсказали отправится на спичфабрику. Я поехал туда, зашёл к начальнику, тот определил жить меня в дом на улице Ленина, работать на лошади, подвозить топливо, убирать мусор. Там я проработал до мая 1925г. Затем поехал в Свердловск, там, на бирже труда в работе отказали, т.к. я был несовершеннолетний. Я пошёл в главком комсомола, секретарь позвонил директору кирпичного завода и отправил меня туда. На второй день меня определили на работу, а также в общежитие. Определили меня на специальность катанки сырца кирпича.

Решил податься в Сибирь, у меня была мечта посмотреть на Сибирь. В 1925г. я доехал до станции Черепаново, прошел около 100 км и определился к родственникам. Стал создавать комсомол, меня назначили секретарём комсомольской ячейки. Секретарь комсомола Залесовского райисполкома Бабушкин предложил мне работу делопроизводителя. В 1926г. меня определили секретарём Талитского сельсовета. Обязанности мои были многогранные.

Собрался я увольняться, чтобы уехать в Барнаул, куда меня пригласил брат друга. Жил я у них, работал в окрисполкоме. 1 января меня приняли в Барнаульский отдел милиции делопроизводителем. Районный центр решили перенести в село Шадрино, где я проработал 4 года. Потом меня перевели работать участковым, потом в уголовном розыске, а затем назначили помощником начальника. Там я женился в 1929. Потом нашего начальника перевели в более крупный район, и принял дела начальника милиции, мне было 21 год, проработал я около года. Районы начали укрупнять, а округа упразднять и наш район разделили. В 1930г. меня перевели в Колпашево начальником милиции. Здесь я учился на юридических курсах. Потребовался народный судья, меня вызвали в райком партии и назначили в 1932г. на должность судьи Колпашевского района, где я работал до 1941г. А в 1941г. перевели заместителем председателя Нарымского окружного суда. Там я работал до упразднения Нарымского округа в августе 1944г. т.е. до образования Томской области. Меня пригласили образовывать Томский областной суд. В сентябре я приехал со всем делопроизводством в Томск. Я исполнял обязанности председателя областного суда до 1948г., потом меня перевели начальником управления министерства юстиции РСФСР по Томской области, там я проработал 8 лет до упразднения министерства. После этого меня избрали председателем Томского областного суда, к этому времени у меня уже был диплом о юридическом образовании, т.к. закончил заочно Томский университет. В 60 лет ушёл на пенсию.

После ухода на пенсию работал консультантом до 1993г.

Я не помню, чтобы в 30–е годы были бандформирования, хулиганы были.

Восстание в Бакчарском районе, где жили спецпереселенцы. Начну сначала. Когда ещё жил в Шадрино в 1929г. уже начались спецпереселения, в 30–м году уже начали

раскулачивать и переселять целыми семьями, их имущество передавали в комбеды. Я в 1929 женился на дочери крестьянина. Он был середняком, его раскулачили и с четырьмя малолетними детьми выслали в Чаинский район. Отчасти это сказалося на моей службе, на моём продвижении по службе. Запретили всякую связь и переписку с семьёй тестя. Он был хорошим рыбаком, возил, продавал рыбу. Я не скрывал что родственники жены кулаки, писал всё откровенно, тогда нельзя было скрывать

Закон о 3-х колосках: если женщина наберёт в поле колосья, зерно где-нибудь спрячет – неизбежен суд. Были случаи за 5 –10кг судили. Я сам рассматривал эти дела, приговор, высшая мера наказания – расстрел или 10 лет лишения свободы. Высшие партийные органы очень строго проверяли исполнение приговора. В 1934г. были созданы комиссии по пересмотру этих дел. Приезжал председатель Новосибирского областного суда – Островский. Был прокурор представитель от партийных органов, их было пять человек. Меня и ещё одного судью привлекали подготавливать эти дела, и я в этих комиссиях работал. Высказывал своё мнение, некоторым снижали меру наказания. С ОГПУ никаких контактов не было

После убийства Кирова партийные органы изолировали себя, построили спецдом в Колпашево, ввели охрану, собак. Были у нас на учёте в милиции ссыльные по суду – административно ссыльные (шпана, хулиганы), вторая категория – политссыльные, находившиеся на учёте в ГПУ, мы ими не заведовали.

В 1934-35 г. политических преступлений у нас не было, были должностные. Было совещание работников прокуратуры, суда, милиции. Выступал начальник ОГПУ Бартон и сказал, что в нашем округе кишат враги, и они будут свергать Советскую власть, будьте бдительны. Это было в 1937г., ещё сказали – бросьте с некоторыми дружить, проверьте кто ваши друзья. Мы боялись друг друга. Я был там вообще приезжий и общался с людьми своего круга, из прокуратуры, из милиции. Я работал народным судьёй, у нас арестовали двух адвокатов. Затем арестовали заведующего госздравотдела. Председателя Новосибирского областного суда, Островского тоже арестовали, но не расстреляли. Арестовали Лохонина, председателя товарищества.

Я посылал список в НКВД тех, кого считал незаконно арестованными. Всё это делали работники НКВД: Суров, Бартон. Бартон часто присутствовал на заседаниях, они вели себя с гонором, высоко держались. Все дела по политическим заключённым, репрессированным велись, в НКВД, народные суды не допускались к ним.

Стариков – прокурор Нарымского края, про него стали говорить что заболел, оказалось, что он запойный пьяница, после его уволили, и он уехал в Тайгу Кемеровской области.

Перед войной началась депортация. Мне пришлось рассматривать дело о двух женщинах высланных в Васюганский район. Одна из них была состоятельная, другая с целью ограбления убила её и сына, забрала ценности и имущество. Приговорили её к расстрелу, но по жалобе этот приговор не утвердили. В основном депортировали литовцев, латышей, поляков. Нарым был наводнён ссыльными.

В годы ВОВ, был указ от 26 июня: за прогулы и самовольный уход, который широко применялся. Когда работал народным судьёй, в Тогуре организовали лесозавод и на прогульщиков набрали материалы человек на 20, мне пришлось их рассматривать. Некоторых приговорили к исправительным работам до 6 месяцев.

В учреждениях необходимо прийти на работу, и сразу расписаться во сколько пришёл. Если уходишь куда-либо необходимо доложить начальнику, рабочий день кончается – необходимо тоже расписаться.

О судьбе судей:

По архивным материалам Девятов был народным судьёй Кривошеинского района, потом его перевели членом Нарымского окружного суда. Девятов работал членом окружного суда. Когда началась война, Девятова призвали в армию, где он был председателем военного трибунала на Западном фронте. Он уроженец Александровского района. Когда

он приезжал в отпуск, рассказывал о военных делах: высшая мера наказания приводилась в исполнение без обжалования.

Из Новосибирска члены военных коллегий приезжали в Нарым и рассматривали дела связанные с дезертирами, убежавших из Асино, из Бердской военной части, но таких дел было мало. Меры наказания за дезертирство: лишение свободы с отправлением на фронт, если проявит мужество, то судимость погашается.

Процесс реабилитации: дела рассматривались пачками, их готовила прокуратура и передавала нам. Человеческие судьбы решались на бумажках. У нас в Колпашево был Толстиков из ГПУ, он вдруг куда-то исчез, но говорили, что он был не согласен с такой политикой, которая проводилась по отношению к репрессированным. Первое время реабилитация проходила тайно, а потом выдавались справки с моей подписью о реабилитации.

Нам давались задания – сколько людей должно быть арестовано, в какой области. Подбирали людей по особым признакам: национальность, группа поляков и литовцев. Как будто у нас в Сибири состояла организация кодетско-монархическая, в неё как в бездонный котёл всё ссыпали.

Я помню такое дело, в Колпашево осудили Трифонова. Когда началась война, наши начали отступать, а он раньше в первую мировую тоже воевал, и вот он в группе людей при разговоре говорил: «Вот наши всё хвалились ни пяди чужой земли мы не хотим, ни своей вершка не отдадим, а теперь только пятки сверкают. Вот до чего наши правители довели, что немцы в течении суток чуть до Киева не дошли».

И вот на него донос был, и его привлекли к ответственности. Эти групповые дела начинались с доноса – он был там-то, слушал такие-то выступления, недовольство Советской властью выражал.

В 37г. главным образом по национальным, антисоветским, политическим группам брали. Как будто они готовили восстание, был руководитель дела.

Я лично не верил, что в 30-е годы арестованные были врагами народа. Сталин был виноват в этих репрессиях. Я тогда ещё верил, что это идёт из центра. Там должны были представлять, кого ставят на места, например Грединский, Эйхе, который был вождём сибирских коммунистов. Председателя суда Островского тоже арестовали, он просидел в одиночной камере год. На заседании областного суда я его узнал и подошёл к нему, в Колпашево он возглавлял комиссию, а я там работал и докладывал ему дела. Он был представителем правительства, и рассказывал, какие методы применялись – он проводил как будто предательскую политику в суде. Вызовут, поставят и говорят, чтобы сознавался так как доказательств достаточно. Принесут еду подсолённую, а потом на допросе поставят графин и начальник пьёт, если сознаешься - дам воды. Один уходит, другой следователь приходит. Островский был ещё репрессирован царским правительством. Через год после ареста, Сталин прекратил аресты, и его выпустили и реабилитировали.

По религиозным мотивам дел не помню. В отношении тунеядцев – если не устраивается в течении 3–6 месяцев, то его судили.

Клинггат работал в прокуратуре, у него отец был не русский. Его перевели работать в Новосибирскую областную прокуратуру начальником следственного отдела, где он запил и его из прокуратуры выгнали. Потом он попросился в Новосибирский областной суд. Его приняли, но при поездке в командировку он потерял дела, и его опять уволили и исключили из партии. Потом он уехал на север и там обморозил руки, ноги и уехал в Среднюю Азию к сестре.

1979г. Колпашевский РОВ.

В нашем окружении были такие слухи: их уводили и приговор приводили в исполнение не в Колпашево, но позднее я узнал, что хоронили их в лесу, вдоль Оби, где было окружное управление УВД на окраине города. Ещё хоронили между Колпашево и Тогуром, там какая-то воинская часть была. Также в Колпашево была общая тюрьма, и была своя.

В Берёзовском районе тюремный остров. Я слышал, что всех ссыльных собрали и перевезли на этот тюремный остров, и они жили там без всяких условий. Где точно это было, я не знаю.

О судьбе Скрябина:

Детей у меня трое, два сына и дочь. Старший сын юрист, работал в управлении подполковником, умер в возрасте 40 лет от инфаркта. Второй сын – строитель, строил 3-ю горбольницу, старший прораб, умер. Внуков у меня трое и внучка: у дочери сын, другой внук адвокат, третий окончил торговый техникум. Дочь моя закончила ТГУ, биолого-химический факультет. Внучка работает врачом. Есть и правнуки.